

случившихся, пока мы еще находились в Египте. Первым делом я расскажу о Готье де Шатийоне. Один из наших рыцарей, Жан де Монсон, рассказал мне, что видел его на улице поселения, где пленником содержался король. Улица проходила через все поселение, и с обоих концов ее открывалось пустое пространство, и на ней был Готье де Шатийон с обнаженным мечом в руке. Увидев, как на улице показались сарацины, он, вскинув меч, бросился на них и заставил бежать из поселения; но, убежав, они получили возможность стрелять в него как спереди, так и сзади, и он был с головы до ног утыкан их стрелами. Едва только выгнав их из селения, он стал вытаскивать стрелы, застрявшие в его доспехах, после чего сменил кольчугу и, привстав на стременах, со вскинутым мечом, закричал: «Я рыцарь Шатийон, где мои верные люди?» Когда он развернулся и увидел, что сарацины входят на улицу с другого конца, он снова с мечом в руке напал на них и погнался. Он поступал так три раза с тем же самым результатом.

После того как адмирал галер дал мне возможность присоединиться к нашим спутникам, которые были взяты в плен на суше, я спросил у тех, кто был с Готье де Шатийоном, что слышно о нем. Тем не менее я не смог найти ни одного, кто рассказал бы мне, как он был взят в плен; но все же я услышал от доброго рыцаря Жана Фуанона, который был взят в плен в Мансуре, что видел сарацина верхом на лошади Готье де Шатийона, и ее круп был покрыт кровью. Этот рыцарь спросил у сарацина, что он сделал с человеком, которому принадлежала лошадь, и тот ответил, что перерезал всаднику горло, когда тот сидел в седле, в чем легко можно убедиться по крови, которая покрывает лошадь.

В нашей армии был еще один отважный человек, епископ Суасонский, чье имя было Жак де Кагель. Когда он увидел наши войска отступающими к Дамьетте, он, полный желания предстать перед Богом, не захотел возвращаться в страну, откуда был родом. Торопясь предстать перед Богом, он прищпорил коня и в одиночку бросился атаковать сарацин. Они исполосовали его саблями, и он оказался у престола Божьего вместе с другими мучениками.

Пока король ожидал, когда будет уплачен выкуп за освобождение его брата, графа де Пуатье, некий сарацин, богато одетый и с очень приятной внешностью, преподнес его величеству подарок в виде кувшина с молоком и букет разнообразных ярких цветов от лица ребенка Насака, который был султаном Каира. Преподнеся эти дары, он заговорил с королем по-французски.

Когда король спросил его, откуда он знает французский, этот человек ответил, что когда-то был христианином. И тут король сказал ему: «Уходи! Я больше не хочу с тобой разговаривать!» Я отвел этого человека в сторону и попросил рассказать обстоятельства его жизни. Он сообщил мне, что родился в Провансе и прибыл в Египет; здесь он женился на египтянке и сейчас считается очень важной персоной. «Разве ты не понимаешь, – сказал я ему, – если ты умрешь в этом облике, то будешь проклят и отправишься в ад?» Он ответил, что знает это и, более того, уверен, что нет религии лучше, чем христианская. «Но – добавил он, – я боюсь бедности и позора, которые испытую, если вернусь к вам. Каждый день тот или другой человек сможет бросить мне: «Убирайся, ты, крыса!» Так что я предпочитаю жить здесь в богатстве и спокойствии, чем оказаться в положении, которое предвижу». Я напомнил ему, что в день Страшного суда, когда его грехи станут видны всем, он испытает куда больший стыд, чем тот, о котором говорит сейчас. Я дал ему много добрых христианских советов, но они не возымели действия. Он оставил меня, и больше я его никогда не видел.

Вы уже слышали о великих страданиях, которые перенес король и все мы, остальные. На долю королевы (которая была тогда в Дамьетте) они не выпали, и она была избавлена от этих невзгод. За три дня до того, как она дала жизнь младенцу, до нее дошло известие, что король взят в плен. Это испугало ее до такой степени, что каждый раз, когда она засыпала в своей постели, ей казалось, что комната полна сарацин, и тогда она кричала: «На помощь! На помощь!» Поскольку ребенок, которого она носила, не должен был умереть, она попросила старого рыцаря ложиться рядом с ложем и держать ее за руку. Каждый раз, когда она вскрикивала, он говорил: «Не бойтесь, государыня, я здесь».

Перед самым рождением ребенка она приказала всем, кроме этого рыцаря, оставить ее покои. Затем королева встала на колени перед этим пожилым человеком и попросила его оказать ей услугу; он согласился и поклялся сделать все, о чем она просит. «Вы дали мне клятву, – сказала она ему, – и я прошу, что, если сарацины возьмут город, вы отрубите мне голову прежде, чем я им достанусь». И рыцарь ответил ей: «Не сомневайтесь, что я это сделаю без промедления, потому что я уже думал убить вас раньше, чем они доберутся до нас».